

Воскресенье, 1-го февраля 1904 года.

Отзывы о сибирякѣ въ русской литературѣ.

(Означеніе, — см. иллюстр. прилож. къ № 14 „Сиб. Ж.“).

Менѣ раздражительно и болѣе приличнымъ языкомъ, но не менѣе пристрастно дана оцѣнка сибирскому характеру поодино въ книгѣ Астыврева: „На таежныхъ прогалинахъ“ (М., 1891).

„Сытый сибирякъ—ташъ убѣряетъ Астывревъ—представляетъ собой чудесный типъ человѣка, глубоко вѣрующаго въ непереложность всего сущаго вокругъ него; онъ нигдѣ не стремится, у него нѣтъ прочныхъ идеаловъ, онъ доволенъ своимъ умственнымъ кругозоромъ, онъ не признаетъ возможности другого порядка вещей, кромя нынѣшняго, ибо нынѣшній даетъ ему сытость и довольство, а слѣдовательно онъ хорошъ; и единственное, о чемъ развѣ хлопочетъ сибирякъ; это—отъ нынѣшняго же порядка вещей заполучить по возможности для своей утробы...“

„У него нѣтъ представлений о мужикомъ, крестьянѣ, о крестьянской долѣ, какія имѣются у его отдаленныхъ родичей, оставшихся таянуть ляжку сѣрика-мужика въ европейской Россіи; сибирскій крестьянинъ—американецъ по натурѣ, вѣчно ищущій своего „фарта“; въ немъ весьма развиты чувство индивидуальности и сознание того, что всѣ его нынѣшніе товарищи по жизненному поприщу завтра могутъ оказаться у него за флагомъ. Здѣшній „миръ“ крестьянскій, „общество“ лишено даже тѣни идеализации, которая еще можетъ быть наблюдаема въ Россіи; здѣсь не услышишь нѣскольکو туманныхъ, но тѣмъ не менѣе волнующихъ душу народолюбива выраженій: „миръ—великій человѣкъ“, „съ міру по ниткѣ“, „мирская следа“...“

„Отчего сибиряку и не быть жестокимъ или даже жестокомъ по отношенію къ другимъ, развѣ идеаловъ общекитія у него не выработалось никакихъ, а все его матеріальное благополучіе заключается исключительно въ немъ самомъ и въ его споривѣ, въ его умѣнны выбиты въ люди, отчасти и въ его рабочей силѣ? Все, что стоитъ на его пути къ „счастью“, т. е. къ матеріальному довольству—все это въ его глазахъ не что иное, какъ помѣха, ко всему этому онъ относится враждебно и все это онъ радъ былъ бы уничтожить. Сибирякъ привыкъ видѣть альфу и омегу всякаго земного благополучія исключительно въ личныхъ качествахъ человѣка...“

Далѣе Астывревъ частными случаями, случайно попавшими ему подъ руку, подтверждаетъ свой суровый приговоръ о жестокости сибирскаго крестьянина и повторяетъ „каменные души“ Благовѣщенскаго.

Въ теченіе двадцатилѣтняго періода послѣ статьи Благовѣщенскаго сибирская журналистика сдѣлала свое дѣло; выяснились болѣе причины симпатій и антипатій жѣтвеннаго населенія, выяснились и условия, которыя вліяли на образованіе характера сибирскаго крестьянства; явилась возможность объективнѣе судить о предметѣ. Еще мягче, чѣмъ у Астыврева, высказано сужденіе о сибирскомъ крестьянинѣ въ „Сибирскихъ этюдахъ“, помѣщенныхъ въ „С.-Петербург. Вѣдомостяхъ“ за 1903 годъ № 216 и подписанныхъ инициалами И. Л.

„Суровая природа и бурная исторія переработали русскихъ колонизаторовъ Сибири въ расу, закаленную холодною, практическою разсудочностью на случай рѣшительно всѣхъ неожиданныхъ жизней. Всякой внезапности сибирякъ удивительно скоро, легко и здравомысленно находитъ надлежащее мѣсто въ общемъ укладѣ своей мысли... Кажется Горасъ Вальполь говорилъ, что первое свойство истиннаго джентльмена—никогда не высказывать удивленія. Если

такъ, то сибирякъ—мужикъ, сибирякъ—купецъ—первые джентльмены въ мірѣ. Ни нечаянная радость, ни нечаянная горе не застаютъ ихъ неподготовленными. Это, конечно, очень хорошо, но въ то же время едва ли не именно поэтому сибирскій радости выходятъ какъ-то вялы и неазащитны, а сибирскія печали выглядятъ къ себѣ меньше сострадательнаго сочувствія, чѣмъ, напримѣръ горе російскаго крестьянина, который подъ недородомъ, пожаромъ,

Японскія дѣвушки.

Священная гора Фуджи-Яма.

падежемъ скота всегда бѣдуетъ безпомощно и растерянно...“

„Прикладная сообразительность, трезвая сухость ума подавляюще господствуетъ въ сибирякѣ надъ фантазіей...“

„Изъ десяти грамотныхъ великороссовъ, слушающихъ сказку, трое вѣрять фантастическому вымыслу на слово; трое понимаютъ, что имъ читаютъ неправду не въ поученіе, но ради художественнаго удовольствія; трое скептики по инстинкту прямолинейно скажутъ: чепуха! но развѣ одинъ задумается, не поискать ли въ чепухѣ реальной основы, заднаго смысла? А безграмотный сибирякъ сразу пускаетъ въ ходъ анализъ, сразу беретъ быка за рога и, смотря въ корень вещей, ищетъ ихъ практической возможности“).

*) Въ подтвержденіе этой мысли авторъ рассказываетъ, какъ онъ прочиталъ сибирскому крестьянину старинное описаніе фантастическихъ людей, будто бы населявшихъ Сибирь, и сибирякъ сразу догадался, что тутъ за людей были приняты тюлени.

„Въ полную противоположность эпикку-великороссу и лирику-малороссу сибирякъ совершенно лишентъ дара и склонности къ поэтическому творчеству. За триста лѣтъ существованія сибирячество не создало ни жѣтвенной былинны, ни пѣсни, ни сказки. Зато оно—хорошій хранитель стараго русскаго слова и обряда... „Кирша Даниловъ“—памятникъ сибирскаго происхожденія.

„Насколько сибирякъ ненавидѣлъ и гвалтъ уголовнаго поселщика, навязаннаго ему на шею русскимъ судомъ, на столько же хорошо уживался онъ съ ссыльными другой категоріи, выгодными ему своимъ образованіемъ, техническими и другими иными занятіями, трудами по изслѣдованію края“ (тутъ авторъ „Этюдовъ о Сибири“ совершенно расходится въ мнѣніи съ Благовѣщенскимъ).

„Грамотный мужикъ изъ коренныхъ сибиряковъ—рѣдкая птица... При всемъ томъ—странное дѣло!—неграмотности не признаетъ сибирскаго мужика съ такою мертвящею силою, какъ нашихъ російскихъ крестьянъ. Въ русскаго деревнѣ грамотнаго отъ неграмотнаго привычный наблюдатель легко отличитъ по глазамъ, по выраженію лица,—почти всегда къ невыгодѣ „темнаго“. Здѣсь и грамотные и неграмотные какъ-то поверстались въ одну ступь, всѣ равно нахватавшись поверхностнаго лоска, показной бойкости, смѣлаго,мышленнаго, полуинтеллигентнаго тона. Откуда въ разговоръ сибирскаго мужика, мѣщанина, мелкаго купца проиллюстрировано множество иностранныхъ словъ? Вы слышите: „масса“, „натурально“, „эффектъ“...“

Въ статьѣ Г. И. Л. не только нѣтъ заступающихъ словъ въ родѣ: дика, туша, нахальная, утроба, кровожадный, но даже чувствуется въ тонѣ письма нѣкоторое почтеніе къ сибирскому крестьянину. Направленіе, въ которомъ измѣняются отзывы о сибирскомъ крестьянствѣ, даетъ поводъ надѣяться, что предрасудочная мнѣнія, создаваемая мелкими умами, исчезнутъ и сибирскій крестьянинъ еще завоеуетъ всеобщія симпатіи.

Днѣ провинціи, Сибирь и Малороссія, вызываютъ различныя отношенія въ завѣжме человѣка; что отразилось и въ литературныхъ отзывахъ объ нихъ. Одна привлекаетъ своимъ теплымъ климатомъ, красивыми картинами природы, искреннимъ религиознымъ чувствомъ и поэтическимъ настроеніемъ жителей; другая отпугиваетъ своими ревматизмами и душевной замкнутостью людей. Совершенно естественно, если великорусскій писатель отнесется къ одной странѣ съ полной симпатіей, а къ другой отрицательно, хотя у народнаго массы Сибири болѣе родства съ Великороссіей, тѣмъ у малорусской массы. Приведенные отзывы Благовѣщенскаго и Астыврева вѣрно отражаютъ, какъ большинство заблуждѣвъ въ Сибирь великорусскихъ людей относится къ этой странѣ. Великорусскія въ своихъ отношеніяхъ къ Сибири выражаетъ такое же смущеніе и недовольство, какъ мать, выросшшая дочь, которая отъ матери унаследовала только дурныя качества. Пусть это и такъ; но сибирскому крестьянину въ умѣ не отказываютъ, и потому не отнимаютъ у насъ надежду, что онъ приобрететъ тѣ качества, которыхъ ему не достаетъ.

Отзывы, подобные приведеннымъ въ этой статьѣ, даже и въ томъ случаѣ, если они дѣлаются лицомъ, долго прожившимъ въ краѣ, все таки должны быть признаны поверхностными; они основаны на отдѣльныхъ личныхъ наблюденіяхъ; это по большей части прегубданія, тѣмъ выводы; подъ ними нѣтъ научнаго фундамента. Чтобы правильно судить о предметѣ, нужно, чтобы была разработана статистика преступленій и другихъ проявленій личной жизни жителей, нужны работы по изученію

населения в физиологическом отношении. В видах усиления этого вопроса нельзя не приветствовать почта, который деляет г. Талько-Гриневич в Троицко-Аваск. Уважаемый издатель Забайкаль Ю. Д. Талько-Гриневич напечатать в Трудах Троицко-Аваскского отделения Геогр. Общества (в 1897 и 1903 гг.) две статьи, одну о климате Забайкалья, другую о физиологических явлениях в жизни Забайкальской женщины. В одной из них он так описывает явления, вызываемые в физическом организме человека особенностями местного сухого климата. Деятельность волосных сосудов кожи усиливается, а легких уменьшается, дыхание делается полнее и глубже, сопровождается большим выделением водяного пара и углекислоты и более значительным потреблением кислорода. Также самое происходит в мозг, печени и других внутренних органах. Климатическая особенность производит поэтому усиление процесса горения и выработки большого количества животной теплоты. Укоренный обмен веществ придает климату характер легко укрывающего, что и отражается на жителях страны. Организм их требует более питательной пищи, избыточной углеводов. Особенности климата и питания повлияли на физическое строение и психическую сферу жителей Забайкалья. Русские женщины отличаются средней плодотворностью, бурятские же меньшей. Умственная способность довольно развита (а Благовещенский говорит: тупа!) при слабом воображении. Не малое значение оказывает на физиологический отравления и психическую сферу то значительное насыщение воздуха электричеством, какое бывает здесь.

Работы статистиков и физиологов— вот единственно верный путь для решения вопросов народной психологии.

Г. П.

Страна восходящего солнца.

Едва ли у какойнибудь другой государственной территории найдется столько разнообразных и разнохарактерных областей, как у России. И надо сознаться, что со многими из этих областей мы знакомы совсем не так хорошо, как того требовали бы обстоятельства.

До недавнего времени особенно не счастливо было в этом отношении Востоку. Японо-китайская война впервые обратила внимание русского общества на то, что совершается за восточными пределами Сибири,—и с тех пор события складывались так, что интерес этот не ослабевал, а в самое последнее время достиг своего кульминационного пункта.

И тем не менее, для очень и очень многих слова „Япония“, „Корея“—остаются пустыми звуками, с которыми не связано скольконибудь определенного представления. О Китае мы еще кое что знаем, благодаря Манчжурской дороге, — да и то довольно так сбивчиво и неясно.

Нельзя сказать, что бы, например, о Японии не существовало у нас достаточно богатой литературы. Наоборот, за последнее время наш книжный рынок завален изданиями, так или иначе трактующими о „Стране Восходящего Солнца“,—но во первых большинство этих изданий не весьма доступно, а во вторых—черезурь большое разнообразие мнений едва ли помогает публике разобраться в интересующем ее вопросе.

Вз предлагаемых очерках мы займемся этой злободневной темой—Японией. Конечно, в узких рамках газетной статьи невозможно дать скольконибудь полного и всестороннего освещения предмета,—но тем не менее, насколько это будет в наших силах, мы постараемся набросать наиболее характерный и выпуклый черты жизни и нравов этой замечательной страны.

Гончаров в описании своего кругосветного путешествия дал художественное описание старой, дореформенной Японии. Какая громадная разница между тем, что было тогда и что есть теперь, какой громадный шаг в сторону европейского прогресса! Правда этот прогресс прошел не по всем линиям и оставил, как мы увидим далее, достаточно мь-

ста для развития национальной самобытности; но, однако, пример Японии остается пока еще единственным в истории. Страна Восходящего Солнца глубоко интересна для изучения не только в силу случайных, временных обстоятельств; нам полезно было бы знать об ней побольше и в том случае, если бы политической горизонт востока был яснее и чище.

Из наших владык на Квантунг рукой подать до Японии: из Дальнего пароходно-экспресса привозит пассажиров в Нагасаки в сорок часов.

На север только узкий Лаперузов пролив отделяет северный остров Японии—Матсмай от Сахалина. Японцы, как и англичане—островная нация, но они могут гордиться тем, что переполюбили сынов Альбиона количеством своих островов: всех клочков земли, больших и малых, и составивших в общем Японскую империю, насчитывается 3850.

Все эти острова вытянулись длинной линией с северо-востока на юго-запад и, поэтому, довольно значительно разнятся между собою, как климатом, так и растительностью. В общем, климат теплый и здоровый, благодаря

Туземная улица.

На берегу Средиземного моря (Xigo).

чему в Японии созданы особая внешняя форма жизни, совершенно непохожая на наши.

Чтобы знать народ, нужно прежде всего ознакомиться с характером страны, которую он населяет. Бросим, поэтому, беглый взгляд на весь архипелаг, хотя мы, иногда, и боимся географии.

Центральное положение занимает остров Гонсю (Ниппон), наибольший по величине, гуще всех населенный и покрытый самыми высокими горными хребтами. Здесь же находится громадный вулкан Японии—священная гора Фудзи-Яма, привлекающая к себе ежегодно до 20000 паломников. Цепь вулканов протянулась вообще по всему архипелагу и составляет часть вулканического кольца, опоясывающего Великий океан.

Более низменные места Ниппона почти сплошь покрыты плантациями риса, культура которого достигла в Японии высокой степени совершенства. Однако, этих низменных мест во всем архипелаге вообще очень немного: они составляют не более одной восьмой части всей территории, включая сюда и более возвышенную, но пригодную к обработке мьста.

Северный остров—Матсмай, ближайший сосед нашего Сахалина, населен значительно

слабее Ниппона. Мьста, пригодных для обработки—мешше, чем в последнем, но растительность, особенно в южной части, очень богата. Наиболее распространенными лесными породами—магноли, бук, клен, дуб и береза. На юге же сконцентрированы и подземная богатства страны: золото, серебро, свинцовые и железные руды, нефть и уголь.

Южные Ниппона отделились от него узкими проливами, лежат еще два сравнительно больших острова: Кю-Сю и Сикоко. Свободное пространство между этими тремя островами образует так называемое средиземное море—Суру-Нада. Это один из величайших уголков земного шара, как по красоте мьстности, так и по климату. Здесь, в райском уголке, сконцентрированы несколько больших и множество мелких городов, утопающих в зелени, окруженных виноградниками и фруктовыми садами. По морю разбросаны группы мелких островков; некоторые из них не больше обыкновенной скалы,—и все это покрыто богатой растительностью, так что ветви прибрежных деревьев купаются в море.

Далее, говоря об японском искусстве, мы увидим, какую крупную роль в выражении характерных черт японского народа сыграла красота окружающей японцев природы,— красота, которую они научились понимать и любить.

От острова Кю-Сю к Формозе—самому недавнему и самому южному приобретению японцев—тянется длинная, выгнутая к востоку цепь островов Лю-Чю или, по японскому выговору, Кю-Кю. Туземное население этих островов замечательно по своим нравственным качествам, напоминающим эру „золотого века“. Воровство и убийства здесь почти неизвестны; впрочем, за последнее время замечается некоторый поворот к „современности“.

Формозой окрестили южное владение Японии португальцы, ее первые колонизаторы. Слово это значит по португальски „прекрасная“ и отзвучало всем путешественникам единогласно подтверждают, что это название дано не напрасно. Однако же восточная часть острова находится еще

в полном владении аборигенов страны, стоящих на очень не высокой ступени развития. У этих туземцев до сих пор существует довольно своеобразный спорт,—добывание человеческих голов. Раньше платились головами китайцы, теперь платятся японцы. Но богатства острова стоят нескольких неосторожных голов, и японцы держат крупно за свое новое приобретение.

Между подтропическим климатом Формозы и умеренным—Матсмае существует, конечно, значительная разница. На север Матсмае не вырывает ризь и это служит одною из главных причин того, что Хоккаиде населен слабее других островов. Ризь настолько же необходим японцу, как нашему крестьянину—рожь и пшеница. Орт составляет самый существенный элемент его питания, потому что мяса японцы, как и русские крестьяне, едят очень мало.

В Матсмае сохранились еще первобытные насельники Японии—айносы. Еще в VII в. они занимали значительную часть Ниппона, приблизительно до 38° с. широты, но под напором позднейших завоевателей отбьались все далее и далее на север. В настоящее время численность их не превышает по одним сведениям—25, по другим—60 тысяч душ и медленно, но упорно идет на убыль. В противоположность японцам, айносы мало поддаются культуре. Они почти не занимают земледелием и поддерживают свое существование рыбной ловлей и, отчасти, охотой.

Глядя на островное положение Японии, вблизи от густо населенного материка, нельзя не проводить параллель с другой островной страной—Англией. Однако, до самого последнего времени Япония не имела никакого основания называться нацией мореходов. Искусственно созданные рамки втиснули японцев в узкие пределы их собственного отечества и их мореплавание, до времени великой революции, ограничивалось малым каботажем, от одного внутреннего порта к другому.

Горная богатства использовались также самым примитивным образом. Только теперь широкая волна международной торговли охва-

тила страну Восходящего Солнца и вынесла ей богатства на мировой рынок.

Тип японцев—монгольский, хотя, может быть, с некоторой примесью айноского и, даже, малайского элемента. Они—невысокого роста (средн. — 158 сантим.), но обладают очень крепкими телосложением, особенно низшие, земледельческие классы. Известный путешественник Гессе-Вартегг считает самым красивым императора, Мутсу-Гито очень типичным представителем японского народа.

Что особенно поражает каждого путешественника по приезде в Японию—так это совершенно своеобразные приемы архитектуры. Стены японского дома состоят из легких деревянных рам, затянутых циновками и бумагой. Рамы эти сдвигаются точно так же, как стеклянные рамы наших балконов и, конечно, не могут служить достаточно надежной опорой для черепичной крыши. Крыша лежит непосредственно на прочных столбах, вкопанных в землю и играющих роль скелета всего дома. Нечего и говорить, что эти картонные домики нѣтъ возможности отапливать, если не считать отоплением грѣлок с углем, зажигаемыми в особенно холодные дни.

Столько же, как постройки, характерна и одежда японцев. Она состоит из одного или нескольких широких халатов—«кимоно», причем покроем этих халатов, как у мужчин, так и у женщин, почти одинаков. Кимоно не имеют ни пуговиц, ни каких нибудь других застежек и придерживаются только поясом, представляющим у женщин довольно сложное сооружение. Когда японцу холодно, он носит пять или шесть кимоно один на другом; с наступлением тепла он постепенно сбрасывает свои халаты и в жаркое время года остается только в одном, из тонкой материи. Крестьяне и чернорабочие обходятся и без этого последнего, считая вполне достаточным кусочек ткани, не шире, как говорит Гессе-Вартегг, нашего галтука.

Вообще необходимо замѣтить, что японскія понятія о стыдливости совершенно не сходятся с европейскими, и это обстоятельство заставляло иногда говорить о «развращенности» японского народа. Японская дѣвушка не находит предосудительным перодвигаться в своем прозрачном домике на глазах у чужой улицы; каждое утро она купается в деревянном вану, поставленном опять таки прямо на улице; в общественных купальнях оба пола купаются вмѣстѣ, в одном бассейне; наконец, самый костюм большинства японцев вызвал бы у нас немедленное вмешательство полиции.

Конечно, ни о какой развращенности в данном случаѣ не может быть и рѣчи. Прежде всего климат, создавший картонная постройки, создал и это частичное отсутствие стыдливости, не идущее, конечно, далѣе известнаго предѣла. Тамъ, гдѣ костюм «не шире галтуха», является самым практичным, он никоим образом не может шокировать. И изъ всѣхъ европейскихъ приобщенныхъ реформа костюма ту же европейски образованные люди, какъ графъ Ямагата, въ оффиціальныхъ сношеніяхъ предпочитаютъ національный кимоно иноземному сюртуку.

Японцы совсѣмъ не употребляютъ ступель и сидятъ на собственныхъ икрахъ, что было бы почти невозможно продѣлывать въ узкихъ европейскихъ ботинкахъ. Между тѣмъ, широкій кимоно сохраняетъ полную свободу движений. Другую особенность японскаго костюма составляетъ обувь. Не зная ступель, японцы не имеютъ также и столовъ, а ѣдятъ прямо на полу, устланномъ циновками. Разумѣется, что при этомъ полъ приходится содержать въ особой чистотѣ—и здѣсь туземная обувь превосходно выполняетъ свое назначеніе.

Носить или соломенные сандалии, или деревянные башмаки, имеющие видъ маленькихъ скамеекъ. И та, и другая обувь легко снимается, а это очень важно для японца; такъ какъ дома онъ ходитъ въ однихъ чулкахъ. Одинъ изъ путешественниковъ справедливо замѣтилъ, что протрѣсь по японскому полу въ башмакахъ—то же самое, что прогуляться по мягкой мебели гостиной.

Костюм японцевъ очень хорошо приворовленъ къ жѣсткимъ условіямъ и, поэтому, сыны Восходящаго солнца упорно не хотятъ съ нимъ

разставаться. И особенно сожалѣть объ этомъ не приходится, такъ какъ истинная культурность заключается совсѣмъ не въ ботинкахъ.

Женщины, милостивыя японскія женщины, теряютъ въ европейскихъ платьяхъ все свое обаяніе. Изящная, граціозна «мусаи» превращается въ неуклюжую дурушку съ угловатыми очертаніями, толстой талией, безобразной походкой.

На предлагаемъ вниманію читателей рисунокѣ, изображающемъ двухъ японскихъ дѣвушекъ, можно разсмотрѣть всѣ подробности костюма. Что одна изъ дѣвушекъ куритъ—это не должно насъ удивлять. Въ Японіи курятъ не только женщины, но и дѣти.

Выше мы упоминали, что японскія дѣвушки принимаютъ на улицѣ свою утреннюю ванну. Чистоплотность, доведенная до предѣловъ возможнаго, является очень симпатичной чертой японскаго народа. Общественныхъ купальнъ много и онѣ доступны по цѣнѣ самому бѣдному кули. При каждой казармѣ имеются превосходныя ванныя комнаты съ горячими душами, гдѣ солдаты могутъ брать ванны столько разъ въ день, сколько имъ вѣдуется.

Лица японцевъ тоже значительно разнятся отъ нашей и напоминаютъ, ближе всего, ихъ

«По этапу».

сосѣдей-итальцевъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, основой питанія служитъ отваренный рисъ—лучшій въ мірѣ по своимъ качествамъ. Вкусовой приправой служитъ темноруралъ соя, которой довольно много вывозятъ и въ восточной Китай. Мясо употребляется только въ исключительныхъ случаяхъ и тоже, скорѣе, какъ приправа. Рыболовный промыселъ, начавшій особенно широко развиваться за послѣднее время, тоже доставляетъ пищевой продуктъ, доступный всѣмъ классамъ населенія. Море приноситъ еще и некоторая съѣдобная водоросли, а также такие продукты, какъ напримеръ—трепанги, относительно съѣдобности которыхъ мнѣнія европейцевъ и обитателей дальняго востока расходятся самымъ кореннымъ образомъ.

Какется, вѣтъ народа, у котораго не было бы своего національнаго спиртнаго напитка. Не составляютъ въ этомъ случаѣ исключенія и японцы. Они пьютъ саки—рисовую водку, довольно, какъ говорятъ, слабо сравнительно съ нашей «монопольной». Саки подаютъ въ подогрѣтомъ видѣ и пьютъ глотками изъ маленькихъ чашечекъ. Въ употребленіи спиртныхъ напитковъ японцы соблюдаютъ похвальную умеренность и встрѣтить пьянаго на улицахъ Осаки или Токио—большая рѣдкость. Къ сожалѣнію, европейская культура, предложившая громадный выборъ напитковъ самыхъ разнообразныхъ видовъ и вкусовъ, сыграла въ этомъ отношеніи довольно неблагоприятную роль. Трезвенные японцы входятъ во вкусъ коньяка, шартреза и рома, и въ городахъ, наиболее посѣаемыхъ европейцами, пьянство замѣтно растетъ. Теперь и сами

японцы научились выдѣлывать хорошее пиво, о которомъ общепризнанные знатоки—пѣвцы—отзываются съ большою похвалой. Вѣроятно, не останется дѣло и за колымажю, а скромное старое саки отойдетъ на задній планъ и будетъ увеселять сердца однихъ чернорабочихъ.

Французы считаютъ образцомъ галантности и деликатнаго обхожденія. Вѣроятно, это мнѣніе сложилось еще въ то время, когда японцы сидѣли взаперти на своихъ островахъ и европейскіе аналіи о нихъ столько же, сколько о сѣверномъ полюсѣ. Японецъ вѣжливъ со всѣми,—съ близкими друзьями и съ незнакомыми людьми, съ мужчинами и женщинами, со стариками и молодыми. Къ этой вѣжливости присоединяется, правда, нѣкоторая доля низкопоклонства,—горькій пережитокъ того времени, когда почти весь народъ находился въ полномъ подчиненіи у горсти привилегированныхъ: куговъ, дайюсовъ и самураевъ.

Странно, непонятно для нашихъ европейскихъ понятій, какимъ образомъ въ странѣ Восходящаго солнца, въ странѣ, населенной народомъ, цѣнившимъ и понимающимъ красоту, чуткимъ къ прелести той природы, которая его окружаетъ, не выросло и не воспиталось одно изъ наиболее опозитивированныхъ нами чувствъ—любовь.

О томъ взаимномъ чувствѣ двухъ разныхъ половъ, которое занимаетъ такъ много мѣста въ нашей жизни и еще больше въ литературѣ—японцы не имеютъ никакого понятія. Въ обывденной жизни то, что мы называемъ любовью, не восходитъ далѣе привычки, а въ національной беллетристикѣ занимаетъ весьма и весьма ограниченное мѣсто. Однимъ словомъ—въ странѣ хризантемъ не знаютъ поцѣлуя.

Гессе-Вартеггъ, вмѣстѣ съ большинствомъ другихъ изслѣдователей, называетъ Японию сказочной страной, частицей другого міра, какинъ-то чудомъ попавшей на нашу землю. Въ послѣдующихъ очеркахъ мы будемъ еще имѣть возможность увидѣть, что именно придаетъ Японіи характеръ сказочности и отчужденности отъ остальнаго міра.

Теперь у насъ на очереди стоитъ разсмотрѣніе событій, кореннымъ образомъ перевернувшихъ весь ходъ японской исторіи и сдѣлавшаго незамѣтное, замкнутое азиатское государство могущественной державой, обратившей на себя вниманіе всего свѣта.

Н. С.—ъ.

Черепъ.

(Разсказъ).

(Опочтаніе, — см. иллюстр. прилож. къ № 20 «С. Ж.»).

Околицынъ вошелъ въ редакціонную дверь, разоблачился и, все еще не забывшись отъ своихъ думъ, бѣглымъ шагомъ прошелъ въ большую и грязную комнату, пропитанную запахомъ сырой бумаги, краски и еще какинъ-то особеннымъ, специально редакціоннымъ запахомъ.

За стѣной гудѣли типографскія машины. Студентъ-корректоръ, изогнувшись въ три погибели, сидѣлъ въ сторонѣ за маленькимъ столикомъ и бойко правилъ корректуру, лопнутому прорывавъ перомъ свернуто сѣрую бумагу.

Кромѣ секретаря—чухалка челоуѣва съ жидкой бородой и кислымъ выраженіемъ лица въ редакціи никого больше не было.

Секретарь вталянулъ на часъ и больше по привычкѣ, чѣмъ по справедливости, постовалъ на неаккуратность, потомъ взялъ у Околицына приготовленную хроніку и понесъ ее въ наборъ.

Андрей Михайловичъ зѣвнулъ и растянулся на кушеткѣ, приобретенной для прежняго редактора, челоуѣва пожилаго и слабого здоровьемъ.

Машины гудѣли, скрипѣлъ перомъ корректоръ. Въ сосѣдней комнатѣ факторъ ругался съ метранпажемъ. Было грязно, неуютно и сыро.

— Глухо... Вѣдь можетъ же самая пустынная мелочь такимъ радикальнымъ образомъ испортить настроеніе! А придешь домой—опять этотъ арестантъ будетъ смѣяться и пинять глаза...

Околицынъ внезапно рѣшился и, поднявшись съ кушетки, окликнулъ корректора:

— Коллега!

— Сейчасъ...

Корректоръ дошелъ до конца гранки и повернулъ голову.

— Что такое?

— Слушайте, коллега... Вам не понадобится череп? Очень хороший череп. И даже аномальный.

— Череп?

— Ну, да.

— Зачемъ вамъ черепъ? Вѣдь я юристъ...

— А... жаль. Впрочемъ, вы можете его на письменный столъ поставить. Въ видѣ украшенія.

— Ну, нѣтъ. Я декантисцина не люблю. А это уже своего рода декантисцина. Что за Дагомея такая — изъ череповъ украшенія дѣлать. Андрею Михайловичу стало немного стыдно и скучно, — еще скучнѣе, чѣмъ раньше.

— Декантисцина... Дагомея... Видишь ты, какой серьезный человекъ высказался... А обузу хорошую я себѣ на шею навязать.

Машины гудѣли. Факторы съ метранпажемъ помирались и оба вмѣстѣ ругали теперь кого то третьяго.

Околицынъ перевелъ взглядъ на прицѣпленную къ гвоздю театральную афишу, извѣщающую о постановкѣ новой оперетки, при участіи „всемирно извѣстной“ этуали. Оперетку эту Андрей Михайловичъ видѣлъ уже три года тому назадъ, а этуаль давно была убрана со столичной сцены за полной негодностью.

— Господи, тоска-то кака!.. Въ ресторанъ развѣ пойти?

Ему представлялся полутемная и низкая, тоже давно надобившая зала дешивенькаго ресторана.

Аппетита не было. Даже тошнило немного. — А я хочу у редактора аванса просить! — сказалъ Андрей Михайловичъ секретарю, когда тотъ вернулся изъ набороной.

Секретарь отрицательно покачалъ головой.

— Не дасть. Вчера еще говорилъ, что вы очень много впередъ забираете. И куда у васъ деньги идутъ? Человекъ вы одинокій, пьете умѣренно...

Андрей Михайловичъ смотрѣлъ на кислую физиономію секретаря и находилъ въ ней большое сходство съ приобретеннымъ черепомъ. Только улыбки не хватало.

— Дуракъ! — раскатывался за стѣной факторъ. — Я тебѣ сколько разъ долженъ повторять, пьяная скотина!

Хроникеръ подержался рукой за желудокъ, въ которомъ начиналось какое-то томительное шевеленіе, всегда опутительное при особенно сильномъ напавшѣ скуки и, отпустивъ секретаря въ несколько идивотныхъ словъ, пошелъ домой.

Опять мокрые дома, и грязная улица, и тащій свѣтъ за шиворотомъ.

Не смотря на погоду, Околицынъ нарочно замедлялъ шаги.

А что дѣлать дома?

Напиться чаю... Потомъ можно лечь и вздремнуть часъ-другой. Потомъ... пообѣдать. Прочтеть что-нибудь. Тамъ уже и до театра немного времени.

Скучно, ужасно скучно... Живешь по давно установившейся привычкѣ и, до поры, до времени, не замѣчаешь этой скуки, а потомъ вдругъ — выплыветъ. Выплыветъ и начнется копошиться въ душѣ, разстраивая нервы и лишая аппетита, какъ зубная боль.

Конечно, впередъ наука. Не оригинальничай, а особенно въ пьяномъ видѣ. Утромъ, до прихода этого медика, настроеніе было довольно приличное. Не то чтобы очень веселое, а такъ, самое обыкновенное, среднее.

Прохожие сердито толкали другъ друга на узкихъ тротуарахъ. Андрей Михайловичъ остушился одной ногой въ грязь и набралъ полный калашъ.

— Одно къ одному... Что-бы вамъ всѣмъ провалиться, черти проклятые...

Наконецъ, длинный путь пройденъ.

Андрей Михайловичъ сидѣлъ за чайнымъ столомъ и намазывалъ масломъ ломтъ свѣжаго пеклеваннаго хлѣба. Потомъ откусилъ, поднялъ брови и поморщился.

Откуда то пахло карболой: не то отъ кухни, не то отъ рукъ.

Хроникеръ подозрительно посмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ пеклеванную булку и отложилъ ее подальше.

— Пробежеть... въ замѣткѣ... Народъ хотять транить, негодня.

Отъ стакана съ чаемъ тоже шелъ легкой, едва уловимый запахъ карболки. Андрей Михайловичъ недоумивающе осмотрѣлся и немедленно постигъ причину.

Черепъ, опять черепъ. Онъ какъ-то пропитался этой дрянью, а Андрей Михайловичъ бралъ его, переставлялъ съ мѣста на мѣсто и позабылъ вымыть руки.

Аппетитъ окончательно испорченъ.

Андрей Михайловичъ лежалъ на постели и дремалъ.

Сначала онъ увидѣлъ первой гильдии купца Муковозова, которого сегодня хоронили. Гупецъ сидѣлъ на кровати рецензента, выливать жирную утробу, и весело его поддвигивалъ.

— Пойдемъ, братъ.. Хочешь я изъ твоей головы приготовить сдѣлаю.

И показывая хроникеру огромную бутылку съ надписью: „Карболовая кислота“.

Хроникеръ трясъ головой и протрясался.

Первой гильдии купца свѣнилъ какой то субъектъ въ арестантскомъ халатѣ.

— Купилъ, голубчикъ, мою головушку? Пользовался?

Къ арестанту присоединился секретарь.

— На какомъ основаніи вы говорите, что я похожъ на черепъ? Совѣтъ даже нѣтъ никакого сходства. У васъ у самаго черепъ аномальный.

— Отвѣжитесь! — бормоталъ Андрей Михайловичъ.

Потомъ онъ заснулъ крѣпко и безъ сновидѣній, но тѣмъ тяжелѣе и не облегчающимъ сномъ, какимъ вообще спятъ люди съ разстроенными нервами.

Прознулся онъ, когда накатились уже ранніе осенніе сумерки.

Сквозъ кисейныя занавѣски на окнахъ шелъ слабый, блѣлый полусвѣтъ, накладывавшій на все безжизненные полутѣни. На чайномъ столѣ мутно блестялъ давно потухшій самоваръ.

— Проспалъ! — подумалъ Андрей Михайловичъ, не то съ удовольствіемъ, не то съ досадой.

Голова болѣла, спина — тоже. Хроникеръ сдѣлалъ попытку встать и опять лѣвяно опустился на подушку.

На противуположномъ концѣ комнаты, посреди письменнаго стола, отчетливо вырисовывался желтоватый шаръ черепа. Онъ поперечному криво сидѣлъ на нижней челюсти, и одинъ глазъ опять угадалъ на Андрѣя Михайловича. Казалось, что черепъ свѣтился самъ собою, такъ хорошо было его видно въ безразличномъ свѣтѣ полумрака.

Околицыну представилось непонятно глупымъ и нелѣпымъ присутствіе здѣсь этой неприятной вещи.

— Ребязество... На практикѣ даже для педельщины не годится, а нервы раздражаетъ. Да кромя того...

Такъ и не рѣшился Андрей Михайловичъ сознаться самому себѣ, что это было да „кромя того“.

А оно было.

Хроникеръ боялся смерти. То есть, раньше онъ никогда почти даже и не думалъ объ ней, всецѣло поглощенный разными житейскими заботами, но теперь выскочило это тѣмечко мори и, насѣвшю улабался, напомнило ему о брешности всего земного.

Умереть... исчезнуть... Никогда больше не шуршать газетными листами, не стучать ножницами, не сидѣть во второмъ ряду партера, на рецензентскомъ мѣстѣ.

Вообще никогда не заниматься тѣмъ, что вросло въ плоть и въ кровь, сдѣлалось существовою частью внутренняго „я“.

Вѣдь только это „я“ и живетъ. Тѣло дышетъ, ѣсть, пьетъ, двигается, но очень легко представить себя безъ всѣхъ этихъ, необходимыхъ въ земной жизни отравленій.

Но безъ газетъ, безъ хроникъ, безъ рецензентскаго кресла...

Андрей Михайловичъ поспѣшно всталъ и зашагалъ по комнатѣ, натискаясь на стулья.

Сумерки густѣли, мелкія подробности обета-нонкі ускользали отъ взгляда. Только по прежнему кривился на сторону и тарачилъ глаза черепъ.

Умереть... когда придетъ смерть? Можетъ быть, завтра. Первой гильдии купецъ, котораго сегодня хоронили, тоже, вѣроятно, не надѣялся еще умереть.

Хроникеръ начиналъ чувствовать непримиримую ненависть къ студенту, принесшему черепъ.

— Дуракъ! Конечно, дуракъ, развѣ принима-етъ во вниманіе пьяныя просьбы...

Последнія колебанія исчезли.

Андрей Михайловичъ завернулъ черепъ въ большій листъ „Новаго Времени“, одѣлся, взялъ черепъ подъ мышку и вышелъ на улицу. Пройдя два квартала онъ вспомнилъ, что не знаетъ адреса студента и остановился въ недоумѣніи.

Подарить кому нибудь — просѣютъ. Выбросить — неловко.

Въ глаза Андрею Михайловичу бросилась вывеска парикмахерской — бѣдной парикмахерской, облуживавшей „студенческую“ часть города.

Околицынъ вошелъ въ переднюю и оглядѣлся. Никого не было. Тогда хроникеръ быстро сунулъ свою ногу за большой сундукъ, стоявшій въ углу, снялъ пальто и прошелъ въ „залъ“.

Черезъ двадцать минутъ онъ уже торопливо шагалъ по улицѣ, поглаживая свѣже-выбритый подбородокъ и облегченно вздыхая.

Черепа съ нимъ не было.

А съ черепомъ прошелъ страхъ.

Андрей Михайловичъ бодро поглядывалъ на прохожихъ и думалъ:

— Вотъ, живу и умираю еще не хочу. Когда придетъ смерть, тогда и будемъ еще ней раздумывать.

Въ томъ же приподнятомъ настроеніи онъ пришелъ въ ресторанъ, но пообѣдалъ безъ особаго аппетита. Послѣ обѣда спросилъ бутылку пива, потомъ другую и третью.

— Надо вытравить съ корнемъ эту гадость... Забыть, совершенно забыть...

Въ головѣ немного зашумѣло, но желанное забвеніе никакъ не удавалось.

И въ положенный часъ Околицынъ плелся въ театръ, шлепая калошами по тротуару, пожимаясь отъ холода и ворча себѣ подъ носъ: — Тоска... тоска... Господи, какая тоска!

Николай Степанъ.

Изъ міра отверженныхъ.

Къ рисунку „по эталу“.

„Недалече ужъ!“ — весело думаютъ и коновѣны, и арестованный. „Еще персть пѣтъ осталась, не болѣе, а тамъ и эталъ“. При мысли объ эталѣ, лицо бродяги продается еще болѣе и онъ громко и весело запыкаетъ: „По Сибири я гуляю, поселеніе молодое... Ну, ну... гуляю... иди, братъ, види...“ внезапно обрываетъ его сади. „Аль обрадовался, что „полникъ...“ всѣ получилъ?..“

Пропивать то, братъ, не удастся, не дамъ... Донесешь всѣхъ въ кѣлосты до тюрьмы! — говоритъ коновѣръ. Мысли арестованнаго принимаютъ сразу другую окраску: „А вѣдь вѣрно, чертъ!“ думаетъ онъ. „Не дадутъ, да и только, что съ ними подѣлаешь...“

Вотъ тебѣ и чай-сахаръ, табакъ и выпивка! — проныряетъ онъ надъ собой. „Казеннаго, чертъя и то жалко... Дуракъ!.. Вмѣстѣ бы пропиви... А теперь — что: на кормной гривенникъ то не болѣе разгуляешься — поѣсть досыта и то не хватятъ“.

Лицо его дѣлается печальнымъ, онъ замѣтно сдвигаетъ шагъ и не пошатывается уже такъ весело по сторонамъ, какъ раньше... „Эй да извернусь“, снова проносится онъ. „Эталъ на той сторонѣ села, пойдемъ черезъ село, може поданіе будетъ, а тамъ съ этакимъ смѣнью сдѣлаю... Бродни попался новое, прямо, какъ говорится, „съ напускомъ“.

Выважно на старья, да полторы бумажки въ ардачу возмю — вотъ и денги“, а солдатикъ не замѣтаетъ... — самонадѣнно заключаетъ онъ и снова весело прибавляетъ шагъ, напѣвая уже: „По Сибири я ходилъ — бродни съ напускомъ носилъ“.

Къ рисунку II приложения.

Игнатій Цезикъ. Два рисунка, приложенные къ этой статьѣ, изображаютъ вазы работы Цезика, составляющія теперь собственность автора, бывшаго библиотекаря томскаго университета С. К. Кузнецова. Третій рисунокъ снятъ съ прессы-папье, вытѣпленнаго изъ той же мастикъ и принадлежавшаго въ настоящее время г-жѣ А. П. Зефировой. Фигура изображаетъ каторжника въ рваной рубахѣ, свѣжаго подлѣ деревомъ отдохнутъ отъ утомительной работы. Возлѣ него тачка, къ которой онъ прикованъ.

*) Полникъ — полая одежда арестанта выдвѣваемая изъ нагавки шапка, халатъ, бродни и полушубокъ.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина.